

Глава 10

Цзян Чи сглотнул, заставляя себя не закричать.

— Маленький хозяин, почему же ты не берешь? — женщина приподняла уголки губ, густо накрашенных алой помадой, и ее мертвые глаза пусто уставились на несчастного ягненка.

Цзян Чи изо всех сил старался вести себя как обычно, дрожащей рукой потянулся вперед.

Холодный латунный ключ, зажатый между пальцами с облупившимся красным лаком, коснулся его ладони. Неизвестно, случайно ли это вышло, но острый ноготь слегка царапнул кожу.

Цзян Чи с рождения боялся щекотки, поэтому невольно вздрогнул.

Сознание начало путаться. Рука, сжимавшая в кармане рукоять ножа, постепенно разжалась, а веки, вопреки воле, стали невыносимо тяжелыми.

Жуткая улыбка Лив перед глазами медленно расплывалась.

Лишь теперь Цзян Чи с опозданием подумал, не выпил ли он чего-то не того.

Холодные пальцы обхватили его запястье.

Он был таким хрупким и худым, что высокая служанка без труда удерживала его одной рукой. Пальцы трупа были ледяными и оцепенелыми; в неверном свете дрожащей свечи они казались синюшными, а под обломанными красными ногтями, почерневшими от предсмертных мук, запеклась старая кровь.

Цзян Чи почувствовало тошноту.

Холодный пот градом катился по лбу, но сбежать он уже не мог.

Позади раздался знакомый, холодный, но мягкий голос:

— Я просил тебя выйти, а не соревноваться со мной за этого человека.

Шагов ведь совсем не было слышно.

Цзян Чи открыл рот, пытаясь произнести знакомое имя, но действие лекарства оказалось

сильнее.

Мальчик пошатнулся и безвольно упал в объятия подошедшего человека.

Перед тем как провалиться в забытие, Цзян Чи уловил последние слова Лив. Теперь это был вовсе не женский голос, а мужской, который показался ему странно знакомым. Голос с усмешкой произнес:

— Впервые вижу, чтобы ты так пекся о своей добыче.

Это было жестоко.

По логике вещей, маленький слепец, пребывающий в неведении, должен был сейчас рвать на себе волосы, терзаться сомнениями и одновременно любить и ненавидеть подлеца. А если бы это был мир с беременностями, то дальше последовало бы бегство с ребенком под сердцем, погони, случайная встреча на балу спустя три года, где у него на руках был бы малыш, до боли похожий на того негодяя, а затем — семейные драмы, ненависть и любовь, коварный виконт и его слепая красавица-жена.

Из чисто гуманистических соображений Система потратила полсекунды на раздумья, стоит ли утешать своего Хозяина, который был добр и прекрасен, но, к сожалению, не отличался острым умом.

Впрочем, не только интеллект Цзян Чи был его слабой стороной.

Маленький лис, скрестив руки на груди, сидел в Море Сознания и победоносно фыркал в адрес Системы:

— Я с самого начала знал, что он врет.

Он привычно сидел на коленях, а в глубине Моря Сознания за его спиной покачивался пушистый хвост. Потряхивая кончиком хвоста, он серьезно анализировал ситуацию:

— Он без всякой причины так добр ко мне, значит, у него определенно есть скрытые мотивы.

Система отозвалась:

— Это... пожалуй, не поспоришь.

— Раз он маньяк-убийца, значит, хочет оставить меня, чтобы при первой возможности прикончить.

Неизвестно почему, но в голосе Цзян Чи даже проскользнула радость:

— Похоже, пока я ему еще нужен.

Система вздохнула. Ее механическая рука, непонятно как оказавшаяся за спиной Хозяина, украдкой погладила пушистый хвост. Несмотря на то что это был лишь бездушный холодный инструмент, центральный процессор передал ощущение невероятного комфорта, когда «пальцы» утонули в мягкой белой шерсти:

— Вам следует как можно скорее найти доказательства его преступлений. Каждый день, проведенный в этом особняке, увеличивает риск для вашей жизни.

Когда Цзян Чи снова открыл глаза, он увидел знакомый потолок.

Он еще не успел до конца осознать, зачем Молан подсыпал ему снотворное в молоко, но, попытавшись встать, почувствовал на себе что-то тяжелое.

Цзян Чи пошевелил ногой и обнаружил, что на его тонкой, хрупкой лодыжке защелкнута черная железная цепь. Внутренняя сторона металла была предусмотрительно обтянута мягким ворсистым материалом, чтобы не натереть кожу, если мальчик начнет вырываться.

Цзян Чи застыл.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел мужчина.

Даже дома он был безупречно одет, а от него исходил едва уловимый, приятный аромат белого чая.

Матрас под его весом слегка прогнулся.

— Очнулся?

У Цзян Чи от нервов пересохло в горле, и он невольно прошептал:

— Я невкусный, не ешь меня.

— С чего бы мне тебя есть? — в низком голосе мужчины послышалась странная усмешка.

Только тогда Цзян Чи с опозданием понял, как глупо это прозвучало.

Мальчик проспал очень долго. Свет, пробивавшийся сквозь тяжелые шторы, окрасился в золотистые тона заката. Даже Молан, этот хладнокровный убийца, лишенный всего человеческого, в этих лучах казался окаймленным золотым пушком и выглядел на удивление доброжелательным.

Заторможенный мозг Цзян Чи медленно провернулся, и он, повинуясь инстинкту, бросился прямо в объятия мужчины, туда, где прогнулся матрас.

Молан, похоже, обладал невероятным терпением — он поднял руки и поймал летящее в него мягкое тельце.

— Почему ты так со мной? — в голосе мальчика сквозила безграничная обида. Он жалобно опустил уголки глаз и посмотрел на мужчину затуманенным взором. — Господин, что я сделал не так?

Он говорил совсем тихо, словно провинившийся щенок, и ласково, заискивающе терся щекой о накрахмаленный воротник мужчины. На щеке тут же остался заметный красный след от твердого зажима для галстука с кошачьим глазом.

— Господин, не надо так, мне страшно.

На этот раз мужчина действительно рассмеялся.

Он приподнял подбородок Цзян Чи, а его голос стал таким нежным, что, казалось, вот-вот закапает:

— Если я не буду так делать, Сяо Чи ведь сбежит, верно?

<http://bllate.org/book/20566/2055041>